

18+

ЗДЕСЬ ДОЛЖНА

БЫТЬ Я

Катерина Кюне

Катерина Кюне

Здесь должна быть я

«Издательские решения»

Кюне К.

Здесь должна быть я / К. Кюне — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980315-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. 90-е, восьмилетняя Катя с отцом переезжают из северного города на Юг. Её единственный союзник — своевольная овчарка, а немногие утешения — волшебные фантазии и письма с «родины». Всё усугубляется, когда осенью отцу приходится временно вернуться на Север без Кати. Девочка начинает «самостоятельную жизнь»: перебирается в хижину, мастерит масляную лампу, питается чем придется и готовится стать странствующим проповедником. В конце концов, происходит несчастный случай, и Катя едва не погибает...

ISBN 978-5-44-980315-3

© Кюне К.

© Издательские решения

Содержание

Здесь должна быть собака	6
Здесь должен быть цветок груши	7
Здесь должна быть баба Яга	9
Здесь дедушка	12
Здесь должен быть домик	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Здесь должна быть я

Катерина Кюне

Дизайнер обложки Василий Чирков

© Катерина Кюне, 2025

© Василий Чирков, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4498-0315-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здесь должна быть собака

Собаку звали Дэ. А, Бэ, Вэ, Гэ, Дэ.

Дэ хотела стать человеком. Дэ любила блинчики и творог. Потому что их любила я. Она давилась яблоками, виноградом и ежевикой, которые я протягивала ей на ладони. Я делилась с ней всем, ведь она была моей сообщницей. Дэ верила, что людей делает людьми особая еда и особые привилегии. Если есть то же, что едят люди, иногда приворовывать со стола и валяться на диване, вырастешь не во взрослую овчарку, а в маму или папу, и будешь командовать другими и владеть холодильником. Сможешь даже шарахнуть кого-нибудь веником по задку, если он тебе не по нраву. Или безнаказанно пнуть кошку.

Однажды папа выложил на стол целую соленую рыбу. Горбушу, а может быть даже кету. Никто не успел запомнить, потому что как только папа её выложил и собирался отрезать кусок, его отвлекла наша соседка. Она надолго утопила пальцем кнопку звонка у калитки и еще для верности заголосила «Валентин! Валентин!» с такой восходящей интонацией, словно её грабят. Папа тогда еще не привык к её манере, – мы всего-то три недели как переехали, поэтому он бросил рыбу и побежал спасать соседку.

Он, конечно же, плотно закрыл дверь, блокируя доступ на кухню. Но Дэ тогда уже научилась одному трюку. Лежа на пороге и преданно глядя на папу, она незаметно тянула на себя краешек подстилки, на которой оставляли уличную обувь заходя в дом. Потом папа хлопнул дверью, но из-за тряпки она не защелкнулась как следует. Пока соседка пересказывала папе незначительную новость, Дэ потянула за краешек тряпки зубами и сим-сим! дверь поддалась, выпуская соленый рыбный запах.

Конечно, всего этого никто не видел. Обстоятельства кражи были восстановлены позже, потому что хотя Дэ и думала, что если сожрет рыбу всю целиком, то никто не догадается, что это она её стащила, она оставляла слишком много улик. Грязные отпечатки собачьих лап на полу кухни – тем утром прошел дождь – это еще ерунда. Главная улика – это то, что я не могла съесть целую кету или даже горбушу, да и незачем мне было этого делать, понимаете, у меня не было убедительных мотивов. Бабушка, папина мама, любила рыбу, но была слишком медлительна, чтобы доковылять из своей комнаты до кухонного стола, слопать горбушу вместе с костями и хвостом (допустим даже, что это была все-таки горбуша), потом вернуться обратно в постель и притвориться спящей. А кроме нас троих дома никого не было. То есть мы вообще тогда жили вчетвером, а странную кошку, которая не узнавала мясо, папа принес домой чуть позже.

Поэтому когда папа вернулся, дверь распахнута и рыбы нет, он сразу подумал на Дэ. И хотя он все-таки допросил меня и бабушку, но в основном для того, чтобы выяснить не было ли у Дэ сообщницы, которая помогла ей с входной дверью. Убедившись, что на этот раз Дэ действовала в одиночку (я играла в конце огорода и не успела даже узнать о рыбе), папа вспылил и собирался сделать с Дэ что-нибудь ужасное. Вы не представляете сколько в те годы стоила целая соленая красная рыба, пусть даже неопределенной породы, там, на континенте!

Я хотела вступить за Дэ. Но когда папа нашел её, Дэ была уже наказана. Она лакала и лакала воду, но, видно, легче ей от этого не становилось. Ведь папа даже не успел смыть с рыбы соль, и Дэ так и сожрала её вместе с соленой шубой.

Мне кажется, папа испугался, что Дэ превратится в кусок дохлой слабосоленой собачатины. И хотя он и считал её дефектной, он все-таки налил ей еще воды на ходу поругивая «дурой» и разговаривая с ней почти так же как со мной. Думаю, это была его ошибка, потому что тем самым он укрепил Дэ в мысли, что она мучается не зря и что под действием больших доз хозяйской еды она настолько преобразуется, что даже проницательный папа путает её с одной из своих дочерей.

Здесь должен быть цветок груши

Мы с папой приехали в южный город в мае. Южане говорили, что май в том году был необычайно холодный. Я не знаю, что они имели в виду: снега не было и у деревьев были полноценные зеленые гривы. Да и температура держалась как в нашем северном городе в самые солнечные дни в конце июля. А еще цвела сирень. Один светло-лиловый куст прямо у нас во дворе! Раньше я цветущую сирень видела только на открытках «С Днём победы!» и «С Юбилеем!». А теперь могла подойти к кусту вплотную, понюхать, пощупать и даже оторвать цветок-другой и съесть. Говорят, если есть сирень о пяти лепестках, и, пережевывая, загадывать желание, то оно непременно сбудется.

В нашем северном городе единственный цветок, который можно встретить, был одуванчик, и еще что-то такое белое, маленькое, чего и не разглядишь в траве. Конечно, за городом цвела пижма, и рододендрон, и дикие ирисы и много еще чего, но это только по выходным и праздникам, когда мы ездили на дачу или на рыбалку. А так чтобы каждый будний день невозмутимо ходить мимо пышно цветущих кустов... нет, такое невозможно было представить. Кстати, у Дэ случилась истерика, когда она впервые увидела целую поляну одуванчиков. Вначале она боялась подойти к цветам, а когда все-таки решилась ткнуться мордой, запачкала ее пылью и убедилась, что это не лилипуты-злоумышленники в желтых шляпах, притаившиеся в траве, пришла в неистовый восторг. Она носилась туда-сюда, припадая на передние лапы то перед одним одуванчиком, то перед другим, словно исполняла какой-то собачий танец поклонения. А в книгах писали, что у собак черно-белое зрение. Как же. Потом ученые, конечно, доказали, что это неправда. А вот если бы они не занимались бесплотными теориями, а просто понаблюдали за моей Дэ, оказавшейся на поляне одуванчиков, они сделали бы свое открытие лет на двадцать раньше.

Цветущие кусты – это поразительно, но все-таки я видела их и раньше, когда мы приезжали в отпуска.

Но однажды я вышла на утренний осмотр территории и заметила, что что-то происходит со старой грушей. Это было гигантское дерево, обнимающее ветвями весь двор, крыши летней кухни и сарая. Ствол был покрыт почти черной бугристой корой, а самые нижние ветки начались намного выше моего роста. В том месте, где основной ствол разделялся на два, дерево странно изгибалось, образуя черный выступ, похожий на торчащий деформированный сустав. Возможно, когда-то давно там была третья ветвь, но ее спилили. И вот сейчас из этого выступа торчала тоненькая зеленая ножка, а на ней был большой белый бутон. Задрав голову, я замерла. Цветами я интересовалась с детства и кое-что о них знала. Есть маленькие цветы в горшках. Есть цветы побольше, вроде роз или пионов, они растут из земли на длинных стеблях. Есть большие цветущие кусты, наподобие сирени. Есть сказочные деревья, их иногда рисуют в книгах. У меня есть «Сказки острова Ланка» и сборник японских сказок с такими волшебными цветущими деревьями на картинках. А есть обычные деревья. Например, лиственницы под окнами нашего дома в северном городе. Я наблюдала за лиственницами каждый день несколько лет подряд и если бы они хоть раз цвели, я бы заметила. Кроме того, в отпуска на юг я ездила с двух лет. Так что и о деревьях я кое-что знала.

А сейчас передо мной был пришелец из потустороннего мира, это было ясно. Сказочная фея, пожелавшая явиться мне и только мне. Потому что если бы папа увидел, что на дереве, которое цвести не может, появился бутон, он удивился бы и рассказал об этом. А папа очень внимательный, не заметить бутон он не мог. Когда лезешь в его шкаф, чтобы полюбоваться припоем и колбочками резисторов, нужно тщательно запомнить как там все лежало. Сдвинешь какую-нибудь коробку на миллиметр, и папа тебя вычислит. К счастью, папа до сих пор

не догадался, что у меня тоже хорошая визуальная память, ведь я его дочь. Потому что догадливость – это мое собственное, ни от кого не унаследованное качество.

Так вот, раз папа не заметил бутона, значит, он попросту не может его увидеть. Но что нужно делать, если ты стал свидетелем аномального явления, чуда? Я попробовала заговорить с бутоном. Ответа не было. Возможно, фея прячется у него внутри, как Дюймовочка?

На следующее утро я вскочила с постели и сразу побежала во двор. Бутон превратился в большой белый цветок с нежными, почти прозрачными лепестками. Меня охватил священный восторг. Мне хотелось глянуть на цветок сверху, чтобы убедиться, что в лепестках не прячется маленькое чудесное существо, но он был слишком высоко. Пока никто не слышал, я пела оды его красоте и молила заговорить со мной. Цветок величественно молчал. А из-за того, что ствол груши был зажат между двумя стопками досок, которые папа купил сразу после нашего приезда, мне никак не удавалось установить лестницу. Днём, когда папа уехал на рынок, я все-таки примостила ее и, затаив дыхание, стала карабкаться к своему божеству. Вблизи цветок был еще прекраснее, а в его сердцевине скрывалось не одно, а много маленьких существ с красно-коричневыми головами и длинными белыми телами. Но сколько я не пыталась завязать диалог, мне никто не отвечал. И тогда я подумала, что, возможно, это что-то вроде цветка папоротника. Волшебный цветок, который наделяет того, кто его увидит и сорвет, необычными способностями. И я протянула дрожащую от волнения руку. А потом крепко сжимая цветок стала падать вместе с лестницей вниз. Провалилась одной ногой между стопками досок и ободрала кожу о шершавый толь, которым они были накрыты.

Вечером я выпрашивала у папы, что будет, если найти клад. «Часть нужно будет отдать государству, но часть стоимости клада останется тому, кто найдет», – спокойно объяснил папа. Тому, кто найдет. То есть мне.

Потом я ходила по огороду и внутренним взором, словно рентгеном, просвечивала землю. Наконец, под старым виноградником я что-то почувствовала. Там от земли шло какое-то особое излучение, понимаете? Я схватилась за лопату и скоро выкопала большой ржавый ключ от навесного замка. Такой замок мог бы висеть на дверях, ведущих в подземелье замка. Он был немного похож на ключ от замка на наших воротах, но, конечно, этот ключ был намного древнее, иначе с чего бы ему так заржаветь. Я почистила ключ, продела в него веревочку и повесила себе на шею. Я твердо решила найти дверь, которую он откроет. Не зря же волшебный цветок выбрал именно меня! Наверняка за этой-то дверью и поджидает мой клад. А если у меня будет клад, то папа сразу сможет построить на него пристройку. Еще и что-нибудь останется. А мама сможет приехать к нам, потому что ей больше не нужно будет высылать на строительство свою большую северную зарплату. А может за дверью не клад, а проход из этого дефектного мира в нормальный мир. Там люди могут летать, а Дэ умеет разговаривать. А еще там есть специальная служба наблюдения за миграциями бабы Яги.

Здесь должна быть баба Яга

Первую неделю с нами жили квартиранты. Семейная пара. До нашего приезда бабушка сдавала им пустующую комнату, и хотя папа, пока квартиранты были в городе, беспрестанно ворчал «какое нам дело, что они не могут найти квартиру, если мы их заранее предупредили!», выгнать их на улицу он все-таки не решался. Квартирантка тетя Аня при каждом удобном случае мне улыбалась, наивно пыталась всучить карамельную конфету, которая была мне абсолютно неинтересна, или затеять беседу. Папа был уверен, что она это делает вовсе не из симпатии и даже не из-за того, что в тридцать три у нее нет своих детей, а потому что хочет выведать у меня информацию. Что мы привезли с Севера, где какие ценности храним? Правда ли, что скоро приедет контейнер доверху набитый золотом и красной икрой? Как долго мой папа старался на приисках и для того ли мы временно оставили маму на Севере, чтобы она дождалась пока немного оттаит мерзлота, которую в мае не укопнуть, и зарыла в землю наши резервные золотые запасы?

Папа был убежден, что с квартиранткой Аней и особенно ее мужем что-то не так. Потому что нормальные люди не станут снимать комнату в таком задрипанном доме и жить под одной крышей с такой неаккуратной, мнительной и занудной бабкой, как его, папина, мама. Наверняка они живут здесь для отвода глаз. Вполне возможно, они связаны с преступной, наверняка воровской, бандой. Но, на мой взгляд, квартирантка Аня была вполне обычной, не хуже любой тетеньки в магазине, задающей тебе вопросы, чтобы чем-то занять себя в очереди.

Квартирантка Аня была даже лучше, потому что в конце концов я рассказала ей о бабе Яге. Я пыталась предостеречь ее от самонадеянного заблуждения взрослых, будто бабы Яги нет и нечего бояться. Дело в том, что я много думала об этом. Мама и папа утверждали, что баба Яга – выдумка, и основывали свою уверенность на том, что Яги никто никогда не видел. Она не зафиксирована никакими приборами, нет никаких современных свидетельств встреч с нею. Отличная доказательная база, да? А что, если она редкая, если она живет в труднодоступных для людей местах? Ведь никто не обыскал всю вселенную в поисках бабы Яги, заглядывая под каждый листок, под хвост каждой кометы, не существует официального заключения на основе таких поисков!

Скажем, считается, что у нас нет сокровищ. Что, кстати, не мешает папе подозревать, что за нами установила присмотр воровская банда. Но что если предыдущие хозяева зарыли сокровища в огороде, а потом умерли, так никому об этом и не рассказав? И на самом деле у нас есть сокровища. Или они на чердаке их спрятали. Я была на чердаке, там воздух как не выбитый ковер и из темных его краев торчат ножки стульев, и мутные бока пустых бутылей, и всюду валяются мертвые пауки, словно они со всего квартала приходят туда умирать, словно там паучье кладбище. На чердаке можно спрятать что угодно – хоть клад, хоть ступу с помелом. Я пыталась объяснить все это папе и маме, но они уперлись и не слушали меня. А квартирантка Аня слушала и даже задавала уточняющие вопросы. В конце концов, она призналась, что и сама верит в бабу Ягу и даже иногда по вечерам видит ее. Яга приземляется на крышах домов, особенно она любит дома с печными трубами. Она сидит верхом на трубе, и ветер развивает ее нечесанные длинные жидкие волосы. И она поводит своим большим крючковатым носом по ветру, приподнимая его навстречу полной луне, словно волк на картинках. Вынюхивает, где можно пожить ребенчком. Множество ее длинных, поношенных юбок, как у цыганки, укрывают трубу и желтую голую кость, которая у Яги вместо одной из ног. Нога скелета. Аня точно не знает, где заканчивается обычная нога и начинается эта кость – то ли от колена, то ли от бедра – и что там на месте перехода. Аня всегда видит Ягу в профиль, и она думает, что в профиль Яга не такая страшная, потому что не видно ее глаз. А, и еще Яга все-

гда появляется на крышах в полнолуние. Наверное, при лунном свете ей проще преодолевать большие расстояния от чащи леса до городов.

Но тут мне пришлось прервать Аню и объяснить ей, что современной бабе Яге темень нипочем – у нее есть сигнальные огни на ступе, я сама видела. Во всяком случае, так было у той Яги, которая охотилась за мной на Севере, и которую я случайно заметила из окна, прячась от пустой квартиры между стеклом и шторой. Она как-то узнала, что папу срочно вызвали на работу, и ему пришлось на пару часов оставить меня одну. А родители потом утверждали, что это был самолет, хотя они, в отличие от меня, ничего не видели.

В общем, мы с квартиранткой Аней очень продуктивно обсудили бабу Ягу. С родителями или со старшей сестрой никогда не получалось таких глубоких разговоров на важные темы.

Через несколько дней я проснулась ночью и лежала с открытыми глазами. Одно окно было закрыто ставней, а из другого на деревянные половицы и белый кафель печки падал лунный свет. Печь занимала чуть не полкомнаты, кафелем была облицована ее нижняя половина, и среди освещенной передней стенки темнел печной рот – тяжелая металлическая заслонка с выпуклым узором. Я очень любила засыпать, глядя в окно на луну, но в той комнате моя кровать стояла далеко от окна. Так что я смотрела на дорожку лунного света и белеющую печь и слышала шелест грецкого ореха, который рос прямо под окном и одной ветвью опирался на крышу. Иногда с мягким шумом проносилась машина. Потом я услышала тихий стук во входную дверь. Через время послышалась какая-то возня на кухне. Кто-то очень тихо зашел с улицы, и старые половые доски отозвались сонным кряхтением. Папа спал не в доме, а в летней кухне, возможно, это он. Потом открылась дверь в мою комнату.

– Ты спишь? – шепотом спросила тетя Аня.

– Нет, – по ее голосу я поняла, что она хочет сообщить мне нечто важное.

– Я видела бабу Ягу. Она у нас на крыше. Нужно говорить очень тихо. У нее чуткий слух. Я обомлела. Потолок, потом немного чердака. В трех-четыре метрах надо мной она приложила ухо к шиферу.

– Она обычно залетает в дом по печной трубе. Но у нас закрыты заслонки, она не может спуститься.

Я посмотрела на печную дверцу с узорами. Она плотно приникла к печи. Но внутри печи огромная темная ниша. Папа рассказывал, что в войну моя прабабка три дня пряталась в такой нише от немца, которому отказалась чистить сапоги...

– Дымовые заслонки очень крепкие, – заверила меня Аня, – когда я подходила к дому, она меня увидела. Спросила, здесь ли ты живешь. Я сказала, что она ошиблась адресом.

Во дворе что-то глухо стукнуло, словно кто-то приземлился на костяную ногу.

– Я закрыла входную дверь на оба крюка.

Верхний крюк был холодный, тяжелый, толщиной с два пальца, а по его мощной петле случайно мазанули синей краской, когда красили дверь.

«А окно?!»

Папа вечером хотел закрыть обе ставни, а я ему не дала. Когда лежишь и смотришь на улицу, как-то спокойнее, заявила я ему. И вот по стеклу своими длинными звериными когтями царапает баба Яга. Она старается приникнуть к окну вплотную, чтобы лучше разглядеть комнату...

– Окон она не видит.

Аня закрыла на крюк дверь, отделяющую меня от кухни. Символический, проволочный крючок.

– Мне надо идти спать. Главное – не вставай. Иначе она услышит детские шаги и поймет, что ты здесь.

Аня шагнула к комнате квартирантов.

– Она посидит на трубе, постучится в дверь и, когда ей никто не откроет, полетит дальше, – прошептала она на прощание. Потом Аня скрылась за своей дверью.

В какой-то момент ночи я поняла, что Яга уже на чердаке. Я явственно слышала шаги прямо над головой. Она шарила там среди бутылей и стульев, она искала вход. Я боялась смотреть в сторону окна, но зато безотрывно вела наблюдение за печкой и дверью. Ближе к утру я, видимо, безалаберно задремала и сквозь сон услышала тихий стук в дверь. Такой же, как перед приходом Ани. Я вскочила на постели и тут же меня парализовала ужасная мысль, что я могла вскрикнуть во сне и тогда все пропало. Под утро мне казалось, что Яга в кухне. И когда по моим расчетам она должна была уже наклониться над кроватью и заглянуть мне в лицо, пришло спасительное солнце.

В обычные восемь утра папа не смог меня поднять. «Катюша, пора вставать!» – почти напевал он, пытаясь придать своему угрюмому голосу хоть немного жизнерадостности. Но я только что-то возмущенно прожевала ему в ответ.

Когда я, наконец, проснулась, оказалось, что квартирантка Аня и ее муж, связанные с воровской бандой и «залегшие на дно» в нашем доме, съехали. Они с вечера сообщили папе, что нашли новую квартиру, за закрытой дверью потихоньку собрали вещи и на цыпочках прошли мимо спящей меня с чемоданами. От них остались только увядшие цветы в вазе, которые неделю назад принес тете Ане ее подозрительный муж и мои кошмарные сны о Яге в ближайшие два месяца.

Так я потеряла единственного человека, с которым можно было откровенно поговорить о действительно важных вещах.

Здесь дедушка

Заканчивался август и папе нужно было лететь обратно на Север. Наступал сезон рыбалки, ежегодной охоты на икорных рыб. Это такое время, когда можно спать в машине, а не на первом этаже двухъярусной кровати, питаться ухой прямо из котелка и общаться исключительно с затянутыми в резину рыбаками, которые намного интереснее младшекласников. С ними можно поговорить о погоде, о том, что сегодня кижуч прет как шальной, а нерка не идет, узнать, как идут дела на соседних участках, потому что они стоят тут уже третий день и успели со всеми познакомиться. Самые умные и опытные из них могли рассказать, где в окрестностях искать землянику или костянику. Сами они, само собой, ни то ни другое не ели, а только дымили подмокшими кострами и папиросами. Дымом, рыбой и водорослями пах весь поделенный на участки берег сколько по нему не иди. А я часто уходила по нему далеко в поисках белых просоленных коряг для костра.

Так было раньше, а нынешней осенью все это мне не светило, потому что папа не мог взять меня с собой. Мне нужно было ходить в школу. А у папы помимо рыбалки, которая позволяла запастись рыбой на весь год и хотя бы отчасти решить проблему добычи продуктов, были на Севере еще какие-то важные дела связанные с документами.

И вот тогда я познакомилась с дедушкой. Маминим папой.

Оставлять меня с папиной мамой было опасно, поэтому моя мама выписала его из Минусинска. О деде я много слышала, и уже знала, что у него неплохой вкус, во всяком случае, если судить по присылаемым им шоколадкам. Видела я его только в допамятную эпоху, то есть совсем маленькой.

Дедушка прилетел рано утром, за сутки до папиного отлета. Дедов подход к жизни понравился мне сразу, еще когда он только появился в нашем доме, и первым делом достал из чемодана большой пакет диковинных конфет. Конфеты были в обертках со сказочными зверями, словно каждую завернули в иллюстрацию из хорошей книжки. В пакете не было ни одной карамельки и все до одной конфеты были вкусными.

А вот дедушка наоборот нас сразу забраковал.

Во-первых, ему не понравилось, как папа распаковал контейнер. Контейнер нужно было поскорее продать, чтобы выручить деньги на стройку, поэтому папа вытаскивал из него вещи и заносил их в дом, в самую большую комнату. Там он эти контейнерные потроха складывал, некоторые коробки вскрывал, чтобы найти и достать нужное. Постепенно большая комната заполнилась стульями, разобранными шкафами, прислоненными к стенам, картонными коробками, мосящимися друг на друге, и ящичками с радиодетальями. Между ними сохранился узенький проход от двери к папиной кровати, от него ответвлялся лаз к шифоньеру. Пробираясь по этим туннелям нужно было медленно, внимательно и лучше боком. Потому что в противном случае можно было скovyрнуть локтем коробку с металлическими деталями, которая тяжелым грузом упала бы тебе на ногу. Или оцарапаться об острый угол твердой книжной обложки. Или покачнуть конструкцию и свалить себе на голову табурет. «Окно для проветривания можно открывать и закрывать с улицы», – объяснял папа деду, которому предстояло в его комнате жить. «Чтобы включить свет, нужно просунуть ладонь вот сюда, между коробками и стеной, тут специально одна коробка поставлена не вплотную», – продолжал он хвастаться, как ему удалось все удобно устроить. Правда, примерно треть вещей не влезла и по-прежнему остается в контейнере. Но это просто потому, что контейнер пришел всего два месяца назад, и папа не успел еще с ним как следует разобраться.

Дедушка как-то изменился в лице и после осмотра всего временно вверенного ему хозяйства, сказал, что будет спать в летней кухне, где больше свежего воздуха. Там он быстро сде-

лал уборку, перестелил постель, аккуратно развесил свои брюки на спинке стула, а плечики с рубашками и пиджаком закрепил на торчащем из стены крюке.

Во-вторых, дедушку удивило как бабушка, папина мама, ведет домашние дела. У бабушки был несколько отстраненный, неторопливый стиль. Я бы сказала, что дела шли сами, а бабушка очень боялась им помешать.

Она была забывчива. Например, положит полотенце в тазик замачиваться, оставит тазик во дворе и забудет. И пока она о нем не вспоминает, полотенце в тазике возьмет да и зацветет, как стоячий пруд. И постепенно во дворе таких тазиков накапливалось много. И вот дедушка ходил по двору среди этих тазиков, словно среди ваз с благоухающими цветами, и все больше менялся в лице. Еще бабушка часто забывала об овощах или фруктах, которые мы с папой собирали, чтобы из них сделать закрутки. Варенье или огурцы в банке. Из-за того, что она о них забывала, в кухне стали на постоянной основе жить маленькие плодовые мушки – чернобрюхие дрозофилы. Так они правильно называются, если вы не знаете. Довольно безобидные существа, я часто ловила их и держала в банке, пытаюсь выяснить, что они больше любят есть и можно ли содержать муху в неволе. Но дедушке и они не понравились.

Еще ему не понравилось, что у нас вокруг дома вместо лилий и гортензий, которые были при предыдущих хозяевах, стоят укрытые толем блоки, доски и окаменевший от хранения бетон.

Кроме того, он никак не мог взять в толк, как бабушке удается начать варить борщ с утра и не поспеть к обеду. Мы то с папой уже привыкли и не находили в этом ничего удивительного. Но у дедушки был не такой богатый жизненный опыт. И хотя в день дедушкиного приезда бабушка очень старалась и закончила с борщом уже в четыре часа, дедушка все равно остался недоволен.

А вечером он вообще заявил, что все это возмутительно и ребенку в таких условиях жить нельзя. Хотя папа очень старался, это совершенно точно. Он жарил блины по рецепту из блокнота, делал свою фирменную запеканку, каждый день выдавал мне яблоко и апельсин, чтобы у меня росли коренные зубы, сам стирал мои вещи, ездил добывать разные стройматериалы и придумывал где их хранить, чтобы они не испортились, и даже пытался разводить кроликов. Папа все это дедушке высказал перед отъездом и улетел расстроенный. Потому что дедушка имел привычку по каждому поводу строчить маме телеграммы. Денег у него было много и на количестве слов он не экономил.

Он вообще жил очень расточительно. Каждый день мы ходили в кафе, потому что дедушка опасался есть бабушкин борщ. В том числе в мамино любимое, где подавали мороженое с дыней. Так что у бабушки, которая поначалу готовила с удвоенным энтузиазмом и на волне этого энтузиазма регулярно успевала закончить какое-нибудь блюдо засветло, совсем опустились руки. Мне показалось, что сама она, пока нас целыми днями не было дома, вообще стала питаться одними конфетами.

Дедушка купил мне новую школьную юбку, ругая неких анонимных злоумышленников, из-за которых старая юбка стала заношенной до блеска. Мы много гуляли по городу и дедушка все время мне что-то рассказывал. Он очень много всего знал: и про птиц, и про животных, и про то, как устроен мир, и про то, почему люди иногда так странно себя ведут. Мне удалось разъяснить для себя много накопившихся за последнее время вопросов.

По утрам мы вместе чистили зубы и оказалось, что я чищу зубы неправильно. Он проверял мои домашние задания и пытался приучить меня к аккуратности. А еще он сходил в школу и познакомился с моей учительницей.

В общем, мне с дедушкой было хорошо. Но скоро и дедушке пришлось срочно улететь на Север. Ведь Минусинск – это тоже на Севере.

Здесь должен быть домик

Перед отъездом дедушка построил мне домик. Его силуэт напоминал типи кочевых индейцев Великих равнин. Каркас из деревянных реек, сверху уголком два листа шифера. Третья стена из досок, с маленьким треугольным окошком под потолком. А четвертая с низкой дверью и прямоугольным окном побольше. Конечно, я мечтала о полностью деревянном домике. Или даже о кирпичном. Об основательном, безопасном строении с застекленными окнами, с миниатюрным умывальником в углу, с первобытным каменным очагом. Чтобы печь картошку и жарить лепешки. Жарить лепешки я не умела, но наверняка это не сложнее манной каши. А варить манную кашу я была обучена, у меня для этого была поминутная инструкция, составленная папой. На случай экстренной ситуации. Например, если на завтрак случился голод. Другое дело, что если нет вишневого или хотя бы малинового варенья, то манная каша утрачивает всякий смысл. Лучше уж голод. Но у меня была и поминутная инструкция запасного блюда – вареной картошки. Если непредвиденный голод случился на обед или на ужин.

Так вот, домик был не таким как я мечтала. И когда дедушка сдавал мне объект, я была немного разочарована. Но со временем я поняла, что теснота, продуваемость и то, как быстро – всего за несколько часов – его можно построить, роднит домик с шалашом или палаткой, наскоро сооруженными посреди степи. Я, будущая скиталица, возможно странствующая проповедница, идущая от деревни к деревне, должна приучать себя к такому жилью.

Дедушка собирался еще оборудовать домик изнутри, но успел только прибить маленькую полочку и столик. А потом ему пришлось улететь. Потому что тетя Нина, его новая жена, заболела. Сначала он хотел взять меня с собой, но не нашел моего свидетельства о рождении, а без него билеты на самолет не продавали. Так что он все мне честно объяснил, построил домик и уехал на такси в аэропорт. Мама потом говорила, что свидетельство лежало в выдвижном ящике со всеми документами. И что он, в крайнем случае, мог связаться с ней и спросить, где оно лежит. Но к моменту дедушкиного отлета мы уже почти полгода жили без мамы и она плохо себе представляла, как тут у нас все устроено. Документы, конечно, лежали в ящике, но ведь нужно было еще найти этот ящик. А прохода к ящику предусмотрено не было. И хотя его и называли «выдвижным», в реальности его вряд ли можно было куда-то выдвинуть, потому что вплотную к шкафу громоздились друг на друге не распакованные тяжелые коробки с книгами.

Я полностью перебралась в домик через четыре дня после дедушкиного отъезда. Я даже пыталась в нем спать, но это не всегда получалось, потому что шершавый деревянный ящик, который я использовала в качестве скамьи, был короче меня самой и слишком узкий, чтобы как следует свернуться на нем калачиком. На ящик я постелила шерстяное одеяло, уютно закутавшись в которое, можно было согреться. На улице была первая половина октября и ночи становились все холоднее, хоть о нашем городе и говорили, что это юг. Кроме того, я хорошо утеплила окна. Я занавесила их толстой, мягкой мешковиной, которая до этого без дела валялась в летней кухне. Конечно, мне хотелось красивые занавески, как были в нашей северной квартире – с осенними листьями или звездочками, но ничего такого мне найти не удалось. Зато у меня была самодельная масляная лампа. Масляная лампа намного лучше свечей, потому что свечи быстро сгорают и их постоянно нужно покупать, а денег у меня не было. Зато запас растительного масла в доме имелся значительный – бабушка брала его на рынке трехлитровыми банками. И веревки, которая шла на фитили, я нашла у папы жирный моток. Не представляю, зачем она нужна была папе. Этим количеством веревки можно было повязать целый город.

Лампа – это очень важно. В любом жилье. В моем лампа была центром. Горящее масло приятно пахло. А сияние словно скрепляло отдельные части домика между собой. Когда дул сильный ветер и швырял на шиферную крышу сорванные с винограда листья, казалось,

что только благодаря лампе маленький домик продолжает упрямо стоять и греть своего единственного обитателя. Мешковина трепещет, за поясницу хватается холодными пальцами сквозняк, но если с поджатыми ногами завернуться в одеяло и не отрываясь смотреть на масляное пламя, чувствуешь себя в безопасности.

Я даже уроки стала делать в домике при лампе. Особенно, когда мне удалось наладить бесперебойное горячее питание. Ставила под столик портфель, скрещивала на ящике ноги и решала примеры. Домашние задания были легкие, тем более меня по приезду определили в самый отстающий класс, потому что остальные оказались переполнены. У меня на все уходило минут двадцать. Потом я убирала тетради и учебники в портфель и приступала к ужину.

От стряпни бабушкиного производства я быстро отказалась. И не потому что, подобно дедушке, уличила бабушку в несоблюдении санитарных норм. Просто готовила бабушка невкусно. К тому же, если я ела её ужин, который на самом деле был обед, я чувствовала себя обязанной с ней общаться и начинала от нее зависеть. А этого мне совсем не хотелось. Поэтому первое время я совершала набеги на холодильник и утаскивала в свое логово какую-нибудь сухомятку: колбасу с хлебом или хлеб с маслом. Кроме того, я практиковала собирательство. У нас во дворе росла старая груша. Я залезала на крышу летней кухни и могла ужинать лежа и без применения рук. Был еще кислый виноград, яблоки, ворованные с соседской яблони с помощью специально заготовленных мною проволочных крючков для подтягивания веток, и сливы, которых можно было нарвать по дороге из школы сколько хочешь.

А потом внезапно мне стала поставлять еду наша соседка. Та самая, которая любила трезвонить в калитку и голосить на весь район, как ограбленная. Васильевна. Впервые она сделала это, подкараулив меня из засады. Я шла из школы и когда проходила мимо ее дома, она внезапно высунулась из калитки. Она вообще любила наблюдать за всеми из засады, незаметно. Например, она исподтишка подглядывала за нашим двором и огородом из своего окна спрятавшись за белой кружевной занавеской. А потом докладывала папе, что я де опять ела зеленую смородину. В конце концов я очень разозлилась, что не могу спокойно поесть зеленой смородины в собственном огороде. И решила победить соседку её же методами. Я знала, что Васильевна почти каждый день ходит на рынок. Рано утром я устроила засаду в «слепой» зоне, в углу нашего участка, который из соседского окна не просматривался. Зато оттуда было хорошо видно соседскую калитку.

Прошло полдня, все тело у меня затекло и никакой смородины мне уже не хотелось. Но сдаваться я не собиралась. Дело ведь не в смородине, дело в праве на частную жизнь, понимаете? И я дождалась. Соседка тихонько прошмыгнула в калитку, звякнула защелка и пошелестели, удаляясь, колеса продуктовой тележки. Я вырвалась на волю и сначала просто бегала по огороду туда-сюда. Без присмотра, свободная, как кладбищенская ворона. А уже потом, торжествуя, обдирала зеленые вишни, крыжовник, малину и зародыши слив. Запихивала их в рот немывыми и с ухмылкой поглядывала на кружевную занавеску. Потом я еще в отместку соседке наворовала у нее черешни, притащив в огород стул и подтягивая с него ветки все теми же проволочными крючками, о которых я вам уже говорила. Вечером Васильевна нажаловалась папе. Что, на тебе, я ворую черешню, вместо того, чтобы нормально попросить. Ведь ей, соседке, не жалко. Но папа не стал меня ругать. Ему тоже не нравилось, что Васильевна нас «пасет» из-за своей белой шторки.

И вот теперь, когда папа, а следом и дедушка улетели, и я не соблюдала никаких мер безопасности, Васильевна подловила меня у калитки и заманила к себе на кухню. Там жарились пирожки. Белые шарики теста расплывались по столу. Румяные горячие пузаны масляно лоснились в двух тарелках: в одной – с повидлом, в другой – с картошкой. Соседка расспросила меня о школе – школу-то ей из окна не было видно. Даже в дневник заглянула. Я в это время ела пирожки, поэтому реагировала на её расспросы миролюбиво. Потом она еще вернула мне пирожков с собой, целый большой пакет, так что мне хватило на весь следующий

день. В общем, я растаяла и почти забыла наши прошлые разногласия. Сидеть у нее в гостях мне даже понравилось. Дом был просторный, чисто прибранный, весь в вязаных белых салфетках: салфетка на столе, на телевизоре, на холодильнике. Было непривычно тепло и уютно. Мне, будущей скиталице, нельзя было, конечно, к такому привыкать. Так что я, чтобы совсем не раскиснуть, сказала, что мне нужно идти домой делать уроки. Соседка, конечно, ответила, что я могу делать уроки у нее. Но я проявила твердость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.